

Как только подорожные грамоты оказались на руках, братья без промедления принялись закупать повозки и мулов. Путь предстоял неблизкий — более двух тысяч ли, а груза скопилось немало, так что без тяглового скота обойтись было невозможно.

Ли Цинчжо, взяв у старшего брата серебро, вернулся в аптеку. Он составил множество рецептов, подготовив запас лекарств в дорогу, и на прощание отвесил низкий поклон своему наставнику.

Лекарь Люй, искренне привязавшийся к способному ученику, сунул ему в руки увесистый мешочек с пилюлями, восстанавливающими кровь и силы, и ещё раз строго наказал беречь себя.

Когда со сборами было покончено, сумерки уже окутали город. Ли Цинчжо в последний раз отнес в темницу отвары и мази для раненых, а также прихватил с собой немного вина и еды, чтобы подкрепить силы Цзян Липина и остальных товарищей.

Услышав от брата, что Цзян Цуну стало немного лучше, семья Ли наконец вздохнула с облегчением и отправилась на поиски ночлега, перекусив по дороге чем бог послал.

До выступления оставалась всего одна ночь. Опасаясь каких-либо неожиданных помех, путники решили заночевать в городе, выбрав самую дешёвую из приличных гостиниц.

Матушка Чэнь, боясь забыть что-то жизненно важное, раз за разом пересчитывала узлы с вещами. Внезапно её руки дрогнули, и на чистую ткань упала тяжелая слеза.

Госпожа Цзян, не выдержав напряжения, тоже тихо расплакалась. Дети, видя, что отец снова уезжает, шмыгали носами, едва сдерживая рыдания.

Братья как могли утешали родных: людей в отряде много, дорога, конечно, будет тяжелой, но трудностей они не боятся, так что и сокрушаться сверх меры не стоит.

Ли Маоцюнь твердо произнес:

— Невестка, не беспокойся. Я присмотрю за племянниками.

Слова дяди Маоцюня придали матушке Чэнь сил — с ним на душе действительно становилось спокойнее.

— В этом пути мы во многом полагаемся на тебя... — тихо ответила она.

В разгар разговора госпожа Цзян вдруг резко охнула. Все обернулись к ней, а она, едва не плача, пролепетала:

— Про свиней-то и кур мы совсем позабыли! Не кормили их!

За весь этот безумный день, полный суеты и тревог, они ни разу не вспомнили о домашней живности, которая осталась в деревне с пустыми кормушками.

Матушка Чэнь со вздохом утерла слезы.

— Ложитесь спать. Впереди у вас много ночей, когда выспаться вряд ли удастся.

Тем, кто отправлялся в этот бесконечный путь на Север, предстояли тяжкие испытания, но и те, кто оставался дома, обрекали себя на месяцы мучительного ожидания и страха.

Масляная лампа погасла, погрузив комнату в вязкую тьму. Ли Цинвэнь закрыл глаза, и мысли его невольно вернулись к раненому благодетелю, всё еще пребывающему в беспамятстве, и к той далекой дороге, что ждала их впереди. В конце концов, усталость взяла свое, и он провалился в тяжелый сон.

Матушка Чэнь и госпожа Цзян так и не сомкнули глаз до самого рассвета. Боясь потревожить спящих, они лишь безмолвно зывали к Небесам, моля о заступничестве.

Как бы ни была тяжела эта ночь, она миновала.

Ли Цинвэнь проснулся от кашля сонного коридорного за дверью. Поднявшись, он обнаружил, что все уже на ногах и молча сидят в комнате. Лишь старшего брата и его жены не было видно.

Вскоре пришел слуга и позвал их вниз к завтраку. Семья собралась за столом, чтобы поесть лапши. Ли Цинвэнь заметил, что веки госпожи Цзян покраснели и опухли от слез, но лицо её казалось более спокойным, чем вчера — видимо, слова мужа наедине подействовали как целебное снадобье.

Закончив с едой и проверив повозку, семья Ли направилась к задним воротам ямэня.

Едва забрезжил рассвет, ворота уездной управы со скрипом отворились. Сначала вышли, зевая на ходу, стражники, а следом за ними потянулись каторжане, гремя тяжелыми цепями и колодками.

Ли Цинжуй еще вчера всё подготовил и подмазал кого следует. Офицер стражи лишь лениво окинул взглядом многочисленное семейство, но ничего не сказал, принявшись сверять имена заключенных по спискам и досматривать провизию.

Цзян Липин и его товарищи, оказавшись за воротами, замерли в изумлении, глядя на повозку и братьев.

— Братья Ли... Что... что это значит?

— Мы проводим нашего благодетеля, — ответил Ли Цинжуй.

Он вместе с Ли Маоцюнем осторожно переложил всё еще бесчувственного Цзян Цуна на носилки. Ли Цинчжо тут же прижал пальцы к его запястью, проверяя пульс, и осмотрел повязки. Жар немного спал — и это была хорошая новость.

Ли Цинвэнь принес отвар, приготовленный еще в гостинице, и принялся осторожно, капля за каплей, поить раненого.

Разговаривать было некогда: стражники зычными криками погнали колонну вперед. Ли Цинжуй и Ли Маоцюнь подхватили носилки и пристроились в хвост отряда. Ли Цинчжо правил повозкой, а юноша и остальные члены семьи шли рядом.

Миновав северные ворота города, братья невольно замедлили шаг. Обернувшись, они крикнули:

— Матушка, возвращайтесь домой!

Матушка Чэнь, понимая, что решение принято и путь начат, на этот раз сдержала слезы.

— Будьте осторожны в пути! — крикнула она вслед. — Берегите нашего спасителя и возвращайтесь живыми и невредимыми!

Братья решительно кивнули и замахали руками на прощание.

Видя, как отец и дяди медленно удаляются, Ли Чжэнлянь и Ли Чжэнмин зашлись в истошном плаче, от которого щемило сердце. Ли Цинфэн, напустив на себя суровый вид, прикрикнул:

— Что за нюни?! Мужчины не плачут!

Ли Чжэнлянь поднял на него заплаканное личико и всхлипнул:

— Младший четвертый дядя, а у тебя самого слезы всё лицо умыли...

Ли Цинфэн яростно сверкнул глазами и отвернулся, наспех вытирая щеки рукавом.

— Добрый молодец должен повидать мир! — грубо бросил он. — Только слабаки вечно прячутся за материнской юбкой!

Ли Чжэнмин, икая от слез, спросил:

— А... а где бывал наш младший четвертый дядя?

Ли Цинфэн, который никогда не уезжал далеко от дома, вспыхнул от гнева и смущения. Он принялся щекотать племянников, ворча:

— Вот увидите, я еще уйду дальше всех!

Дети, заливаясь смехом сквозь слезы, едва могли вздохнуть. Матушка Чэнь шутливо шлепнула сына, призывая его к порядку, и печаль расставания немного рассеялась в этой суматохе.

Пройдя значительное расстояние, Ли Цинвэнь обернулся. У городских ворот всё еще виднелись маленькие фигурки родных. Сердце сжалось от тоскливой нежности, но он заставил себя отвернуться и продолжить путь.

Из всей четверки лишь Ли Маоцзюнь не выказывал ни тени печали. Напротив, шаг его был легок и бодр.

— А носилки-то на диво хороши! — заметил он. — Такого здоровяка нести совсем не трудно!

Цзян Цун действительно был высок. Когда Ли Цинвэнь заказывал носилки, он просил сделать их побольше, но сейчас раненый занимал их почти целиком. Прикинув на глаз, юноша решил, что в благодетеле не меньше пяти-шести чи — около ста восьмидесяти сантиметров. Рост, которому он мог только позавидовать.

Повозка была забита вещами доверху, так что младшему Ли приходилось идти пешком рядом с носилками. Он вглядывался в волевое лицо спящего человека, в его плотно сжатые губы и едва заметную морщинку между бровей.

— Второй брат, когда же он придет в себя?

Не успел Ли Цинчжо ответить, как Цзян Липин, намеренно замедливший шаг, произнес:

— Ночью он ненадолго открыл глаза. Мы дали ему пару глотков воды, и он снова впал в забытье... Братья, спасибо вам за вчерашнюю еду и вино. С тех пор как мы покинули родные края, нам не доводилось пробовать настоящей пищи.

— Не стоит благодарности, старший брат Цзян, — Ли Цинжуй уже не раз говорил с ним и держался по-дружески. — Вы не просто сослуживец нашего благодетеля. Сама судьба свела нас на этой дороге, а значит, наша связь неслучайна.

Цзян Липин глубоко вздохнул и внимательно посмотрел на него.

— Я и помыслить не мог, что вы решитесь сопровождать этого упряма до самого Пограничного города. Поймите, для нас пути назад нет. Если он узнает, на какой риск вы пошли ради него, его загрызет совесть.

Не только сослуживец Цзяна — все остальные каторжане были потрясены поступком братьев. Дело было не только в расстоянии. Путь на Север кишел опасностями: поговаривали, что за год там гибнет столько ямщиков и почтарей, что и не сосчитать. Никто не знал, скольким из них суждено добраться до места живыми. Этот поход был сродни прогулке по лезвию ножа.

Если бы это были родные по крови — еще куда ни шло. Но люди, которых Цзян Цун когда-то спас и с которыми лишь переписывался, теперь рисковали жизнями ради него. Такое благородство граничило с безумием.

— Старший брат Цзян, не говори так, — возразил Ли Цинжуй. — Пока человек жив, есть надежда. Путь впереди долгий, и кто знает, что ждет нас за поворотом. Даже если господин благодетель, очнувшись, станет гнать нас прочь — мы не уйдем. Наш долг — доставить его к месту назначения в целостности и сохранности. Только тогда совесть наша будет чиста.

— И то правда, — вставил Ли Маоцюнь. — В их семье верность слову всегда была превыше всего. Их отец — человек кремниевой породы. Когда-то он на собственных плечах тащил старого друга из самой столицы до дома — больше тысячи ли! А потом, когда у нас случился голод и все пошли по миру, тот самый друг пригнал телегу с зерном через полстраны, отбиваясь от разбойников. Вот это я понимаю — дружба до гроба!

Дядя говорил о Чэн Няньмине, который когда-то работал вместе с Ли Маосянем в столице. Отец Ли тогда был молод и неопытен, его отправили на тяжелые работы — таскать камни. Труд был изнурительный, а травмы — делом обычным. Когда Маосянь чуть не раздробил ногу и не смог работать, надсмотрщики лишили его еды. Многих раненых тогда ждала голодная смерть. Но Чэн Няньмин, уже опытный плотник, пожалел его и по ночам учил ремеслу, а Цинь Линь, книжник, крал вино, чтобы растирать ему больную ногу. В те лютые годы они выжили только благодаря друг другу, и эта связь стала крепче кровных уз.

Когда Чэн Няньмин рассказывал об этом в деревне, жители Тополиной слушали его, затаив дыхание. Цзян Липин и остальные, услышав эту историю, в один голос признали: Цзян Цун не зря рисковал собой ради спасения таких людей.

Пройдя еще немного, Ли Цинвэнь обратился к дяде:

— Дядя Маоцюнь, давай я сменю тебя.

Ли Маоцюнь уже тяжело дышал, лицо его покрылось крупными каплями пота. Он хотел было отказаться, но юноша решительно перехватил рукоятки. Носилки рванули руки вниз своей тяжестью, и Цинвэнь тут же напрягся, удерживая равновесие.

Раненый был сложен крепко: на первый взгляд он казался худощавым, но мышцы его были плотными и тяжелыми.

Вскоре Ли Цинчжо сменил Ли Цинжуя. Старший брат не стал упорствовать — путь предстоял долгий, и это было лишь самое начало.

Из-за большого количества людей колонна растянулась на добрую сотню шагов. Впереди ехали стражники на лошадях, в середине брели скованные каторжане, а за ними братья несли своего подопечного. Замыкали шествие повозки с вещами и казенными припасами.

Провинция Бинчжоу славилась своими просторами и безлюдьем. Они вышли еще до рассвета и шли до самого полудня, миновав несколько деревень, но на горизонте так и не показалось очертаний города. На обед стражники раздали каторжанам сухой паек.

Пока отряд отдыхал на обочине, Ли Цинвэнь и его родные немедленно развели костер. Они разогрели горшок с отваром, который всю дорогу кутали в одеяла, и напоили Цзян Цуна.

Рана на ноге раненого всё еще сочилась, и младший Ли не на шутку встревожился. Ли Цинчжо, однако, сохранял спокойствие. Он бесцеремонно схватил брата за руку, взглянул на вздувшиеся кровавые мозоли и привычным движением проколол их серебряной иглой.

— Скоро кожа огрубеет, и станет легче, — безучастно произнес он.

Если бы Ли Цинвэнь не знал, как нежно брат заботится о нем в обычное время, он бы всерьез усомнился, не чужой ли он ему человек — настолько холодным казался Ли Цинчжо в эту минуту.

После скудной трапезы отряд немедленно тронулся в путь. Юноше не хватало сил, чтобы долго нести носилки, но даже те короткие промежутки, что он подменял братьев, измотали его до предела. Осенний ветер пробирал до костей, холода взмокшую от пота спину.

Когда солнце начало клониться к закату, прошел слух, что впереди показалась почтовая станция. Ли Цинвэнь воспрянул духом и прибавил шагу.

Сумерки сгущались, скрывая неровности дороги. Ли Цинвэнь внезапно оступился, нога провалилась в выбоину, и он пошатнулся. Идущий следом Ли Цинчжо тоже потерял равновесие.

Носилки с глухим стуком рухнули на землю.

Острая боль пронзила лодыжку юноши.

«Беда!»

Он попытался подняться, преодолевая боль, и в этот момент услышал радостный возглас старшего брата:

— Очнулся!

<http://bllate.org/book/15828/1436099>